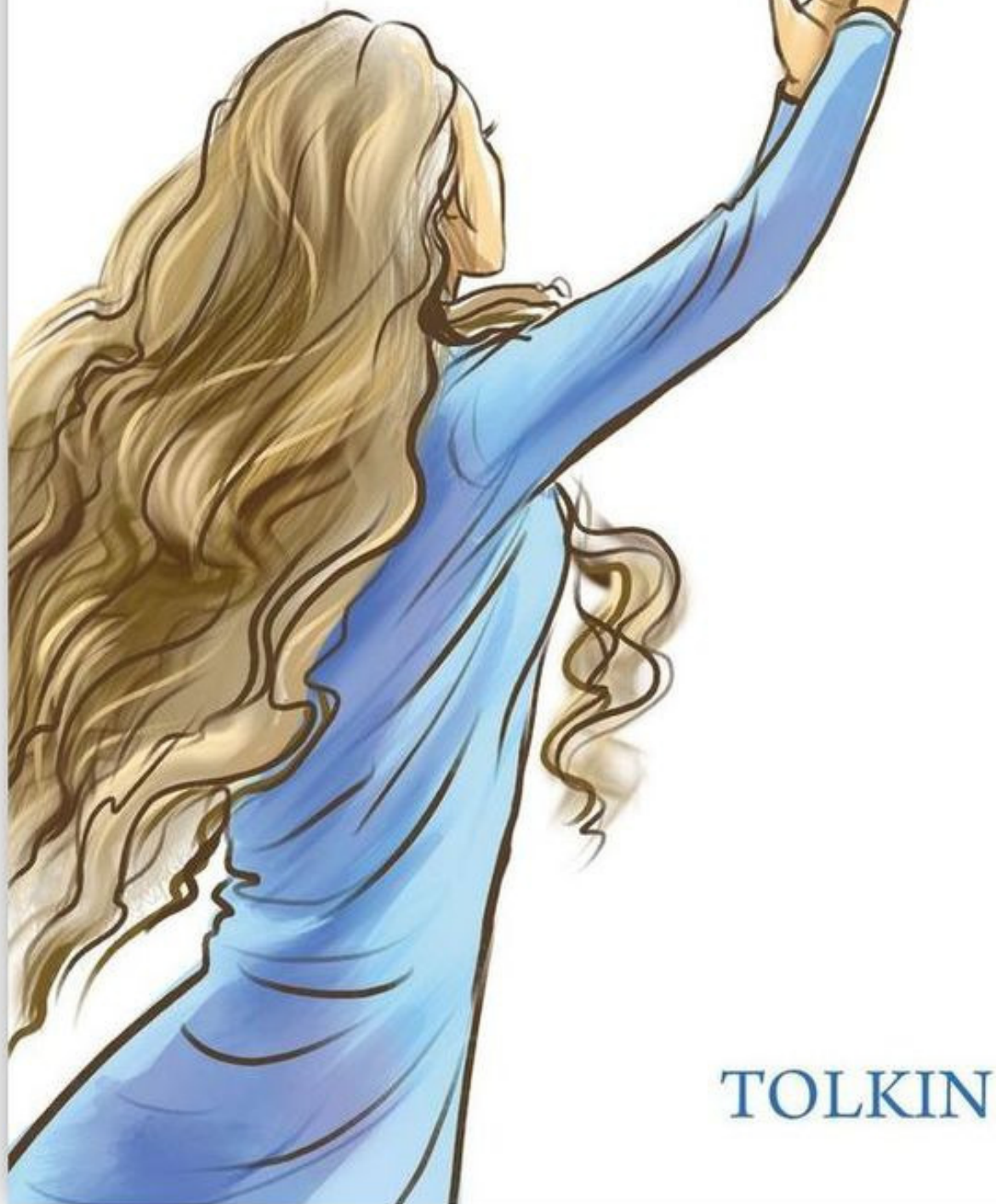

18+

Синяя Птица

TOLKIN R

Tolkin R.

Синяя птица

«Издательские решения»

R. T.

Синяя птица / Т. Р. — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931670-7

Каждому из нас судьбой отмерена своя доля страданий и несчастья. Как же не сломаться, несмотря на доставшиеся унижения и боль, а наоборот, преодолеть всё, обрести уверенность в себе, построить блестящую карьеру и стать настоящей хозяйкой счастливого дома? Откровенная история сильной женщины расскажет о том, как сохранить достоинство и прожить насыщенную, деятельную жизнь, создав свое счастье собственными руками.

ISBN 978-5-44-931670-7

© R. T.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	7
Глава 3	8
Глава 4	9
Глава 5	11
Глава 6	13
Глава 7	14
Глава 8	16
Глава 9	17
Глава 10	20
Глава 11	23
Глава 12	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Синяя птица

Tolkin R.

Все имена и события выдуманы, совпадения случайны.

Редактор Г. Андреева

© Tolkin R., 2024

ISBN 978-5-4493-1670-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**Посвящается моим подругам молодости Гульнаре, Бану и Жанар.
К сожалению, наши пути разошлись, и я не успела сказать им слова
благодарности за то, что они были в моей жизни.**

Глава 1

Утром я проснулась от звона, стоявшего в ушах, с чувством тревоги и страха. В последние дни такое происходит часто: просыпаюсь в ночи, охваченная смятением и ужасом – снятся сны, где все вокруг меня рушится. Единственная мысль, с которой ложусь спать и просыпаюсь утром, – как сложится судьба моей единственной дочери? Сможет ли она противостоять трудностям жизни, найти себя и быть счастливой? Надеюсь, что сможет – ведь я смогла...

Маленькая девочка лет шести-семи в огороде лежит в гуще высокой травы, над ней склонился парень, ее двоюродный брат. Он нетерпеливо и жадно снимает с нее трусики и шепчет: «Как же я соскучился по тебе!» Этот эпизод начал приходить к ней, когда она стала уже совсем взрослой, как какое-то озарение. Но она не помнит больше ничего, связанного с этим моментом: если он говорит, что соскучился, значит, что-то было и это что-то было не в первый раз?

Послеобеденный зной летнего дня воцарился над опустевшим селом. В такое время жители прячутся в хранящих прохладу домах, чтобы немного вздремнуть и набраться сил для работы в своих огородах. Дети тоже с нетерпением пережидают жару, чтобы быстрее оказаться на улице и продолжать свои игры. Маленькая девочка лет шести-семи вошла в прохладу дома и тут же почувствовала, как кто-то схватил ее за руку и повлек за собой в дальнюю комнату. Это была ее тетя, красивая, но глупая, капризная и злая женщина. Она часто избивала девочку за то, что та не могла застегнуть на ней бюстгальтер, неправильно накрутила ей бигуди или добавила неверное количество сахара в воду, чтобы намочить волосы и получить эффект лака для волос. Все члены семьи видели и слышали как девочка каждый вечер забивалась в дальний угол комнаты и тихо плакала, укрываясь от безжалостных кулаков своей тети, но никто не хотел вмешиваться.

Кто еще применял насилие к этой девочке?! Как допустили это? Где ее мама? Почему она никому об этом не расскажет?

Потому что она ЧУЖАЯ в доме своих бабушки и дедушки, где ее никто не любит. Она бесконечно одинока и ни к кому не чувствует привязанности. Только иногда тоскливо и без всякой надежды ждет свою маму, когда та приедет и заберет ее. Но мама жила в большом городе и появлялась редко, а когда приезжала, то очень быстро уезжала обратно.

Девочка очень рано познала одиночество, и оно преследовало ее всю жизнь.

Глава 2

Девочка выросла, стала взрослой девушкой, вернее, молодой женщиной лет 26—27. Но так и не смогла создать семью, потому что не знала, что это такое. Ее отношения с молодыми людьми были незрелыми, ни к кому из них она не испытывала привязанности. Одиночество было ее сутью, и девушка смирилась с этим, привыкла и никого не впускала в свою душу. При этом она не страдала от своего одиночества и даже была довольно счастлива. По крайней мере, так казалось внешне: она была весела, имела много друзей, хорошую работу и все атрибуты молодой успешной беззаботной девушки.

Вспышки тех двух ужасающих эпизодов из детства пока не всплывали в ее памяти.

Глава 3

«Поздравляю, – сказала врач, закончив осмотр. – У вас беременность 7—8 недель». Татьяна буквально остолбенела, услышав эти слова. С момента их расставания с Михаилом прошло более полугода. Правда, пару месяцев назад, находясь в командировке в Москве, она, скорее от скуки, решила с ним встретиться. Конечно же, осталась у него ночевать, а утром они расстались без каких-либо взаимных обязательств. И вот теперь как гром среди ясного неба – 7—8 недель беременности.

Выйдя из здания женской консультации, медленно направилась в сторону дома, в тысячный раз задавая себе один и тот же вопрос: «Господи, а как же дальше? Что теперь с этим делать?» В крошечной однокомнатной квартирке, арендованной ею в центре города на первом этаже пятиэтажного дома, она весь вечер просидела на диване, невидяще уставившись в одну точку, без единой мысли в голове. Решение, правильное и единственно верное, пришло внезапно, как озарение, когда на следующее утро Татьяна собиралась на работу: аборт! Ну конечно! Разве может быть иначе?

Дважды девушка, набравшись решимости, приходила к врачу и сдавала все анализы для прохождения процедуры по убийству своего ребенка. Однако в самый последний момент, повинаясь какому-то внутреннему чувству, вскакивала и убегала. И бежала без оглядки до тех пор, пока не оказывалась на улице, как будто боялась, что если она замедлит шаг, кто-то может ее остановить, схватить и силой отвести в операционную.

После второго побега из больницы в смятении попыталась разобраться в вихре чувств, бушующих в душе: «Что же делать?!» Очередное решение было принято бессонной ночью, когда она устала бороться с самой собой...

Вечером того же дня Татьяна открыла бутылку красного сухого вина, налила в бокал и медленно выпила. Затем прошла в ванную комнату, закрыла сливное отверстие и включила воду, отстраненно подумав: «Наверное, нужно набрать воду погорячее, будет не так больно», – и с этой мыслью немного увеличила поток горячей воды. Вернувшись в комнату, достала из сумочки небольшую пачку лезвий, которую предусмотрительно купила в газетном киоске накануне. Вынула одно и положила на уголок ванны.

Девушка неторопливо разделась, аккуратно сложила вещи и погрузилась в приятное тепло воды. Она лежала в ванне, запрокинув голову и крепко зажмурил глаза. «Ну, вот и все», – подумалось ей, сознание медленно затуманивалось и таяло. И вдруг, как огненная вспышка, взрыв в памяти – и один за другим перед ее мысленным взором стали всплывать эпизоды из детства. Слезы текли по щекам: «Неужели... неужели все это происходило со мной?..» Забыв обо всем на свете, Татьяна оплакивала себя, свое одинокое детство и ту маленькую девочку, которую некому было любить и защищать.

Она очнулась от холода: вода в ванне давно остыла, на уголке синеватой сталью поблескивало так и не понадобившееся лезвие. Вопреки всему ей вдруг неудержимо и жадно захотелось жить – за себя и за ту девочку, которая была никому не нужна.

Глава 4

Поезд медленно тронулся и плавно покатился по рельсам, оставляя позади платформу, вокзал и вереницы провожающих, которые улыбались, плакали, махали рукой и просто молча стояли и смотрели вслед тем, с кем только что расстались.

Я вошла в свое двухместное купе, чтобы оставить вещи, и тут же отправилась в другой вагон к своей подруге Гульнаре. Они с мужем Батыром и его другом Галымом сидели в тесном двухместном купе и о чем-то оживленно беседовали. Я молча присоединилась к ним. С первых же минут я с восхищением взирала на свою подругу не в силах отвести от нее глаза. Так случилось всякий раз, когда мы с ней встречались. Гульнара, несмотря на свой молодой возраст, была очень мудрой и понимала жизнь. Она обладала редким качеством, присущим лишь немногим женщинам, – умением видеть людей, которые ее окружали, участвовать в их жизни, не оставаться безразличной и при необходимости вовремя протянуть руку помощи, без суеты, без жертвенности и ожидания благодарности. Такому ни научить, ни привить как хорошие манеры нельзя. Я думаю, она была такой понимающей, мудрой и практичной с самого детства – эдакой «маленькой женщиной». Кроме нее в семье было еще четверо старших братьев, и, возможно, глядя на них, она познавала мир, так как была младшей и единственной дочерью. Хотя мне больше нравится другое объяснение: есть такое поверье, что каждый из нас проживает на этом свете несколько жизней, а точнее, семь. Родившись впервые, человек не обладает генетической памятью опыта прошлых жизней и поэтому набирается его, набивая свои шишки методом проб и ошибок. Скорее всего, он даже не осознает и не принимает уроков жизни, он глуп и несознателен. Согласитесь, любой из нас знаком как минимум с одним таким персонажем в своем окружении. И лишь каждая последующая жизнь человека обрастает генетическим опытом и багажом предыдущих жизней, что делает его умнее и мудрее. Я убеждена в том, что наши первые три жизни – в общем-то, глупое и бессмысленное существование, за исключением того факта, что в это время накапливаются опыт и знания. И лишь четвертая жизнь становится переломной, потому что в первой половине этой своей четвертой жизни ты все еще совершаешь глупости, и только по достижении зрелого возраста к тебе начинают приходить осознание бытия, понимание себя, своей жизни и осмысление окружающего мира. По моим подсчетам, я проживаю свою четвертую жизнь, а Гульнара, я думаю, – седьмую или шестую. Именно поэтому, несмотря на то, что я старше Гульнары на четыре года, рядом с ней я чувствую себя маленькой, глупой, если не сказать тупой, совершенно не приспособленной к жизни амебой, хотя амебы очень даже приспособлены...

Гульнара, настоящая аристократка и светская львица, состояла во втором браке и имела двух детей. Довольно высокая, с безупречной фигурой и мраморно-белым, почти прозрачным идеальным цветом кожи, она в свои 27 лет выглядела безукоризненно. Ее роскошная красота носила магический характер, буквально приковывая взоры всех мужчин и женщин, которые окружали ее. Без Гульнары не обходилось ни одно светское мероприятие, а благородные и изящные манеры девушки вызывали всеобщее восхищение и желание преклоняться перед ней.

Она небрежно листала один из последних модных журналов и, остановившись на странице с фото Кейт Мосс, произнесла:

– Мне кто-то сказал, что я похожа на Ким Бессинджер.

– Ну да, что-то есть, – пробурчал Батыр.

– Мне кажется, что ты один в один похожа на Кейт Мосс, – сказала я.

– Да, действительно, есть что-то, – уже веселее сказал Батыр, взглянув на фото Кейт Мосс.

Гульнара смущенно разглядывала фото на глянцевой странице, было видно, что ей нравится такое сравнение. Наши посиделки были в самом разгаре, когда она вдруг сказала:

– А теперь прошу всеобщего внимания! Я хочу, чтобы вы присоединились ко мне и поздравили мою подругу с днем рождения!

И она достала шершавый прозрачный пакет, в котором было упаковано что-то белоснежное. Это оказалась белая блузка с золотой отделкой, и Гульнара протянула ее мне. О боже! Это было как гром среди ясного неба! Я совершенно забыла, что у меня сегодня день рождения! И это был самый лучший подарок, который мне когда-либо дарили. Дело, конечно, не в блузке, а в том, что кто-то помнил о моем дне рождения, даже когда я сама об этом забыла.

Это было 23 ноября 1999 года.

Позже, засыпая в своем купе, я даже не подозревала, что именно этот день окажется тем самым рубежом, который разделит мою жизнь на ДО и ПОСЛЕ.

Глава 5

Вот уже ровно месяц, как я приехала в этот город с долгими и суровыми зимами. Работала в очень модном ресторане в стиле английских пабов с задорным названием «Веселый Роджер», владельцами которого были уже знакомая вам Гульнара и ее старший брат, хотя активное участие в работе ресторана принимали жена брата и Батыр – муж Гульнары.

Я значилась в этом ресторане администратором, следила за порядком в зале, за официантами и за тем, чтобы клиентов обслуживали быстро, вежливо и, по возможности, вкусно. С самого начала я знала, что это мое временное пристанище, пока не найду для себя «настоящую» работу. Гульнара предложила мне место в их ресторане в очень тяжелый момент моей жизни, за что я ей безмерно благодарна. В тот период компания, в которой я работала, закрылась, и я с двухлетней дочкой на руках, не имея мужа, осталась без работы, а значит, и без средств к существованию. Тогда я вынуждена была сдать свою квартиру в аренду и целый год жила у мамы.

На конец 90-х пришелся пик экономического кризиса в наших странах после развала Советского Союза. В 1997 году президент нашей страны объявил о переносе столицы из Алматы в тогдашний Целиноград, который позже был переименован в Акмолу, а затем в Астану.

И вот я в Астане – городе будущего, на который возлагала большие надежды, ведь вместе с переездом сюда столицы было объявлено, что все государственные учреждения и представительства иностранных компаний обязаны переехать в новый столичный город. Я ехала сюда в полной уверенности, что при дефиците кадров в маленьком городке с моим знанием английского языка и опытом работы в иностранной фирме непременно найду престижное место в какой-нибудь крупной компании, такой как «Эрнст энд Янг», и сделаю головокружительную карьеру. Однако выяснилось, что все эти компании открыли свои представительства в столице, арендовав одну маленькую комнату в бизнес-центре в качестве офиса, с одной телефонной линией, одним компьютером и одним представителем, который приходил в офис, чтобы получить и переслать необходимую корреспонденцию. Именно по этой причине я никогда не могла дозвониться ни в одну из этих компаний, чтобы предложить свою кандидатуру. Но я не теряла надежды и продолжала поиски вакансии в выходные дни.

Вот уже ровно месяц, как я работаю в «Веселом Роджере», устроилась на съемной квартире и теперь могу привезти сюда свою дочь Адель. Хотя мама предложила мне оставить Адель у нее хотя бы на зиму, я считаю, что ребенок должен быть рядом с матерью при любых обстоятельствах. Конечно, мама при этом обижалась на меня и говорила, что я не оставляю свою дочь с ней, потому что не доверяю ей. Надо признаться, она была абсолютно права: я действительно не доверяла ей, и на это есть причины!

Сегодня был особенно хороший день – ранним утром я встретила на вокзале свою младшую сестру Макпал, которая привезла мою трехлетнюю дочь. Я оставила ее с мамой, когда уезжала с Гульнарой: мне нужно было немного времени, чтобы привыкнуть к новому месту, освоиться на новой работе. Но теперь мое солнышко опять рядом со мной. Макпал, моей младшей сестре, всего 13 лет, да-да, наша разница в возрасте составляла 18 лет. Она училась в школе и вот теперь, дождавшись начала зимних каникул, приехала вместе с Адель ко мне в Астану. Новый 2000-й год, так называемый миллениум, мы будем встречать вместе. Моей радости не было границ.

Это наша первая зима в Астане. В этих краях она наступает рано: как правило, в конце сентября выпадает первый снег, и уже через месяц, к концу октября, зима вступает в свои права в полной мере – с настоящими морозами, снегопадами и метелями. Хотя самым худшим при этом были даже не сами морозы, которые в среднем достигали -40 градусов, а постоян-

ный ветер, который буквально сбивал с ног и замораживал щеки, носы и другие недостаточно утепленные части тела. Спасть в такой ситуации можно было только с помощью длинной, до полу, шубы из натурального меха и толстой шали, если закутать ею голову и лицо, оставив только глаза. Я была счастливой обладательницей такой шубы производства Германии из нутрии, выкрашенной в черный цвет, необычайно мягкой выделки и великолепного трапециевидного кроя, с рукавами, расширенными книзу в стиле колокольчик, и капюшоном.

Появление у меня этого предмета зависти всех окружающих женщин имеет свою историю. Она принадлежала нашей общей с Гульнаррой подруге по имени Бану, но перед самым моим отъездом в Астану неожиданно стала моей собственностью – Бану мне ее подарила. Еще в более молодые годы, когда мы любили наряжаться и выходить в свет, я частенько просила у Бану разрешения надеть эту роскошную шубу, в которой выглядела очень элегантно и статусно. Мне даже говорили, что в ней я похожа на Констанцию из «Трех мушкетеров».

И вот, сидя у Гульнары дома, мы обсуждали, вернее, она проводила со мной инструктаж по поводу того, что я должна взять с собой в поездку.

– Ну, Танюха, что у тебя есть из верхней одежды? Без шубы из натурального меха там не выжить, – задумчиво произнесла она.

И, услышав, что ничего подобного в моем гардеробе отродясь не водилось, тут же набрала по мобильному телефону Бану и сходу поинтересовалась, не могла бы та отдать мне свою шубу, на что Бану, недолго раздумывая, согласилась. Затем Гульнара, еще немного подумав, сообщила, что моей дочери отлично подойдет цигейковая шубка ее племянницы. Я была на седьмом небе от счастья, и слезы благодарности и признательности, вызванные щедростью и заботой Гульнары и Бану, моментально навернулись у меня на глаза. Какие же вы, девчонки, классные!

Глава 6

Я сидела в холле перед кабинетом директора отдела кадров или правильнее – директора отдела по управлению человеческими ресурсами, господина Халюк-бея, держа в руках уже заполненную анкету. Нервно поглядывая на часы, теребила анкету, в очередной раз пробегающая глазами по строчкам. Все ли я заполнила верно, сумеет ли он разглядеть мой потенциал, в какой отдел мне предложат пойти? Все эти вопросы крутились в моей голове, не давая покоя: я очень рассчитывала на перспективную должность, которая позволит расти и строить карьеру. Хотя гостиничный бизнес был для меня в новинку, в душе жила твердая уверенность в том, что смогу покорить и этот Олимп.

В «Веселом Роджере» я проработала до весны и вот пару недель назад наткнулась на объявление в газете, где сообщалось, что гостиница «Интерконтиненталь» проводит набор сотрудников в различные отделы. Тут же отправила свое резюме и получила приглашение на собеседование. Конечно, это не «Эрнст энд Янг», но тоже иностранная компания, как я хотела. И потом, надо же мне с чего-то начинать и куда-то двигаться.

– Войдите, – наконец услышала я голос секретаря Халюк-бея.

В дальнем конце просторного кабинета за массивным дубовым столом в кожаном кресле с высокой спинкой сидел крупный статный мужчина. Густые с проседью волосы аккуратно зачесаны назад. Халюк-бей окинул меня с ног до головы внимательным и пронизывающим взглядом, затем, расплывшись в очаровательной улыбке, вежливо произнес:

– Добрый день, проходите смелее и присаживайтесь вот сюда, – он указал на кресло рядом с его рабочим столом.

Заняв указанное мне место, я украдкой огляделась: вдоль одной стены во всю ее длину стояли высокие дубовые шкафы со стеклянными дверцами, закрывавшимися на ключ. Сквозь стекло проглядывали ровные ряды папок красного и синего цветов, на торце каждой красной папки были напечатаны женские фамилии и инициалы, а на каждой синей папки – мужские фамилии и инициалы. Далее, ближе к выходу, размещались папки зеленого и черного цветов, на которых уже не было имен, но виднелись другие надписи. Весь кабинет олицетворял собой строгий порядок, когда каждая вещь находится на своем, четко предназначенном ей месте. «Как в армии», – невольно подумалось мне. Тут Халюк-бей встал и подошел к окну позади своего кресла: его осанка и выправка говорили о том, что в прошлом он был военным, и это во многом объясняло тот армейский стиль, который царил в его кабинете.

Интервью подходило к концу, мне почему-то казалось, что я прошла его успешно и произвела на Халюк-бея хорошее впечатление.

– Я вижу, у вас хорошее образование, знание английского языка, опыт работы, и мне не хотелось бы предлагать вам должность рядового сотрудника, однако единственная руководящая должность, которая у нас есть, – это должность менеджера прачечного отдела, – радушно сказал Халюк-бей с сияющей улыбкой на лице, но глаза у него при этом оставались холодными и жесткими. В них мелькали искорки какой-то иронии. Это был вызов.

Я была буквально ошарашена таким предложением, мне хотелось уйти, громко хлопнув дверью и крикнув напоследок: «Какие же вы все идиоты!» – но вслух произнесла:

– Я согласна.

Глава 7

Мне выдали униформу, полагавшуюся менеджеру отдела: узкая юбка до колена, как ее еще называют, юбка-карандаш, темно-синего цвета, приталенный пиджак такого же цвета и две белые блузки с коротким рукавом. Женщина, выдававшая мне униформу, была высокой, худощавой, с суровым выражением лица. Она подала журнал, чтобы я расписалась за каждую единицу выданных мне вещей, и сделала это с таким чувством собственного достоинства, словно выполняла дело государственной важности. Получив журнал с моей подписью обратно, уже более мягко посмотрела на меня и объяснила, что блузку я могу сдавать в стирку каждый день после смены, а пиджак и юбку отдавать в химчистку один раз в месяц, не считая случаев, когда они могут запачкаться. Взяв униформу, я прошла в гардероб, чтобы переодеться. Аккуратно сложила свои вещи в металлический шкаф, положила туда же сумочку, затем достала из пакета черные туфли, которые приобрела накануне специально для работы. Это были черные кожаные туфли с невысоким и широким устойчивым каблуком. Подойдя к зеркалу и оглядев себя с головы до ног, я удовлетворенно ухмыльнулась: костюм очень хорошо смотрелся на моей фигуре с высокой грудью и тонкой талией.

«Я слишком хороша для этой работы», – подумалось мне...

Первые две недели я должна была проходить стажировку во всех отделах гостиницы, чтобы понять, как работает вся гостиничная система и как каждый отдел связан с другими отделами. Мне показалось, что это весьма разумный подход. Началом стали два дня, которые я отработала в главном ресторане гостиницы, где проходили завтраки и обеды. Я подавала чай, кофе, убирала со столов грязную посуду. Смена длилась 10 часов – с 6 утра до 4 часов дня, и к концу ее мои ноги просто отваливались. С непривычки я с трудом держалась на них и только теперь поняла, что надевать новую обувь в первый рабочий день было верхом легкомыслия. Однако другой у меня не было, а потому пришлось смириться с мозолями и стертymi в кровь подошвами. Работа официанта показалась мне просто адски тяжелой, зато с тех пор я с пониманием отношусь к представителям этой профессии и, когда хожу в рестораны, не вредничая и обязательно оставляю чаевые.

Так я прошла стажировку во всех ресторанах гостиницы, на ресепшн, в фитнес-клубе и даже в качестве горничной, но больше всего мне понравилось работать оператором и отвечать на телефонные звонки. Самое главное, что я запомнила, – когда разговариваешь по телефону, обязательно нужно улыбаться: улыбка передает тепло твоему голосу, и человек на другом конце провода чувствует твоё расположение. Не зря говорят, что пятизвездочный отель делают детали. Мне нравилось замечать эти детали на протяжении всех двух лет, которые я там проработала.

Через две недели я наконец попала в прачечную. Навстречу вышел пожилой мужчина невысокого, если не сказать маленького, роста с густыми бровями, нависающими над его черными, как угольки, глазами. Он что-то сказал по-турецки, улыбнулся, и, судя по натянутости его улыбки, я поняла, что мне здесь не слишком рады, ведь я должна была заменить его.

Муса-бей жестом указал мне на гладильный паровой каток, стоявший посередине прачечной, где две девочки гладили салфетки: одна с одной стороны катка подавала, а другая принимала с другой стороны. Я села рядом с девочкой, принимавшей выглаженные салфетки, сам Муса-бей встал на подачу, и так мы прогладили огромное количество салфеток, затем скатертей, а позже и все постельное белье. Чем дольше работал гладильный каток, тем жарче становилось в помещении. Пары от моющих средств и перхлорэтилена для химической чистки смешивались, делая воздух в прачечной невыносимо душным, пот скатывался с лица крупными каплями, но, казалось, это никого, кроме меня, не беспокоит. Я пыхтела, кряхтела, но ни словом, ни жестом не показывала, что мне тяжело и я безумно устала.

За весь рабочий день был только получасовой перерыв, когда я смогла отойти от катка и пообедать в столовой для сотрудников. Вернувшись в прачечную, я в глубине души надеялась, что у меня будет возможность присесть где-нибудь и отдохнуть, однако Муса-бей, увидев меня, сразу же взглядом пригласил к гладильному катку. Я молча села, и мы продолжили работать. И только ближе к концу рабочей смены, когда все белье уже было переглажено, нам принесли из кухни кефир, который полагался за вредность на производстве. Весь коллектив собрался вокруг стола, тут Муса-бей подошел ко мне, слегка обнял за плечи и удовлетворенно сказал по-турецки:

– Хорошая девочка!

Так, в свой первый рабочий день я получила одобрение Муса-бея, и это означало, что в дальнейшем он с открытым сердцем и душой будет передавать мне все тонкости работы прачечной. Он научил меня работать на машине химчистки и удалять всевозможные пятна так, чтобы не повредить ткань и придать вещам тот самый пятизвездочный лоск. Показал, как правильно гладить и складывать вещи – это, как выяснилось, особое искусство. Больше всего мне нравилось складывать носки, я никогда не думала, что для этого существуют какие-то определенные правила. Оказывается, носки складывают таким образом, чтобы человек мог надеть их двумя движениями руки. Еще одна деталь пятизвездочного отеля.

Я проработала в прачечной почти два года. Муса-бей был с почетом отправлен на родину в Турцию через три месяца после того, как я приступила к своим обязанностям.

Глава 8

Ранняя весна 2001 года. Вот уже почти год, как я начала размышлять над тем, чтобы купить квартиру в ипотечный кредит. Это была первая волна ипотечных кредитов, которые банки начали выдавать с максимальным сроком выплаты в пять лет. И я решила, что лучше платить кредит за свою квартиру, чем отдавать деньги за аренду. К тому времени я смогла накопить небольшую сумму, которой хватило для первоначального взноса. Я выбрала приглянувшуюся квартиру-полуторку в центре города в кирпичном доме, это было важно, учитывая климатические условия региона, и обратилась в банк за кредитом. К моему огромному счастью, кредит был одобрен.

Мы с Адель быстро собрали вещи, которых оказалось не так много: все наше имущество легко уместилось в один большой чемодан. И пошли пешком от квартиры, которую арендовали, до квартиры, которую купили. Я нажала кнопку звонка, дверь открыл уже бывший хозяин:

- А где ваши вещи? Вам помочь их занести?
- Вот они, – я указала на единственный чемодан.
- А мебель, посуда? Разве этого у вас нет?
- Нет, – вздохнула я с сожалением.

Молодой мужчина недоуменно посмотрел на меня, но промолчал. Они уже вывезли все свои вещи, полностью освободив квартиру. Пройдя в комнату, я увидела только одиноко стоявшую железную кровать, видимо, это последний предмет обстановки, который они еще не забрали. Тут Иван, так звали бывшего хозяина нашей квартиры, неуверенно произнес:

- Вообще-то, эту кровать мы можем оставить, если хотите...
- Вы можете ее оставить, только если она вам не нужна, – ответила я.

Войдя в кухню, я обратила внимание, что там не было ни раковины, ни смесителя, Иван, заметив теперь уже мое недоумение, торопливо сказал:

– А хотите, мы оставим вам гладильную доску, ее можно использовать как кухонный стол?

Он тут же притащил откуда-то из подъезда гладильную доску. Это была самодельная доска, сколоченная из фанеры, но я обрадовалась, увидев, что она действительно сможет заменить нам кухонный стол, и радостно воскликнула:

- Конечно, оставляйте, мы будем очень рады!

Так мы обзавелись нашей первой мебелью и стали хозяевами нашей первой заработанной квартиры!

Глава 9

Нужно отметить, что в тот период заработная плата в иностранных компаниях, кредиты в банках и даже цены на вещи в магазинах указывались в пересчете на доллары США, и называлось это «условные единицы». Так вот, моя ежемесячная заработная плата составляла 400 условных единиц, а сумма погашения кредита – 250 условных единиц в месяц. На жизнь нам с дочерью оставалось 150 у. е. Это была сумма, которая позволяла выживать, но никак не жить.

Я вела очень строгий учет расходов: получив зарплату, первым делом совершала все самые необходимые платежи – кредит, плата за детский сад и коммунальные услуги. Затем покупала продукты с расчетом на месяц и оставляла 5 тысяч тенге, которые распределяла по одной тысяче тенге в неделю на покупку кефира для Адель. Она каждый вечер выпивала литровую пачку кефира.

Большим подспорьем для меня оказалось то, что нас обеспечивали бесплатным питанием в гостинице, и я старалась почти не есть дома, экономила продукты, позволяя себе домашние обеды только в выходные дни. Общественным транспортом мы тоже пользовались крайне редко: в детский сад и оттуда на работу я ходила пешком. От дома, в котором мы жили, до детского сада было две автобусные остановки, оттуда до гостиницы – еще две остановки. Расстояния не такие уж и большие, и летом пройтись пешком было даже приятно. Правда, в зимний период все осложнялось 40-градусным морозом и сильным порывистым ветром, к тому же зимы здесь были безнадежно долгими – по 6—7 месяцев в году.

– Мама, не толкай меня, – хныкала Адель по дороге в детский сад.

Она смотрелась очень забавно в длинной цигейковой шубке коричневого цвета длиной почти до пола, с закатанными рукавами. Шуба была ей явно великовата – на 6-7-летнего ребенка, а Адели было всего 4 года. В тот день было особенно морозно, в спину дул сильный, с завываниями ветер, порывы которого были такими мощными, что временами сбивали с ног, заставляя бежать под своим натиском.

– Солнышко, я не толкаю тебя, это, наверное, ветер.

– Скажи ветру, пусть не толкает меня, – не уступала Адель.

Я завела ее в детский сад, помогла раздеться и, попрощавшись до вечера, побежала на работу. Выйдя из здания, свернула направо, в сторону гостиницы, и тут уже ветер дул не в спину, а с правого бока, резко задувая в лицо. Я шла, прикрывшись шалью, удерживая ее одной рукой, когда рука замерзала, меняла ее и продолжала держать другой рукой, а замерзшую отогревала в кармане. Однако руки не успевали согреться, и мне приходилось все чаще менять их, чтобы придерживать шаль. В какой-то момент я почувствовала, что они совсем околели от мороза и уже не могли удержать спасительную шаль. При сильном порыве ветра она распахнулась, и тысячи мелких иголок мороза вонзились мне в лицо, безжалостно жаля ледяными уколами. Вскоре я перестала чувствовать свои губы, затем – нос и щеки, мое лицо перестало принадлежать мне. От жуткого холода хотелось плакать, но я изо всех сил сдерживалась, опасаясь, что если слезы потекут из глаз, то сразу же превратятся в лед, а от этого, наверное, станет еще холоднее. Добежав до проходной гостиницы, я с трудом достала из своей сумки карточку, чтобы поставить отметку о приходе на работу. В гардеробной непослушными руками сняла с себя одежду и тут же отправилась в душ: стояла под струей горячей воды до тех пор, пока не отогрелась. Выйдя из душа, подошла к зеркалу: от горячей воды мое лицо покраснело, однако щеки и нос почему-то были неестественно белыми. Я потеряла их, но они оставались все такими же белыми. Одна из девушек, проходя мимо, сочувственно заметила:

– Можешь не тереть, ты их отморозила.

В один из подобных зимних дней мы с Адель возвращались из детского сада. Я катила ее на санках, она всю дорогу без устали распевала песни. По пути остановились возле магазина недалеко от дома, чтобы купить кефир. Мне не хотелось, чтобы Адель заходила со мной в магазин: я боялась, что если вдруг она что-то попросит ей купить – чупа-чупс или жевательную резинку, – я не смогу этого сделать. Был конец месяца, и денег у меня оставалось только на кефир, даже такая мелочь, как чупа-чупс, была непозволительной роскошью. Я завела Адель на крыльцо у входа в магазин, сунула ей в одну руку веревку от саней, а другой рукой велела крепко держаться за перила:

– Ласточка моя, постой здесь пять минут. Я быстренько зайду в магазин, куплю тебе кефир и выйду, а ты жди меня, никуда не уходи и ни с кем не разговаривай, хорошо?

– Хорошо.

Я, как фурия, залетела в магазин, схватила с полки пачку кефира и ринулась к кассе, где стояла небольшая очередь. С трудом дождавшись, пока кассир пробьет покупку, выскочила на улицу и буквально остолбенела от того, что увидела. Моя дочь по-прежнему была на том месте, где я ее оставила, но стояла с протянутой рукой и тихо напевала песню. Подбежав, я крепко обняла ее:

– Солнышко, ты что делаешь?

– Ты же говорила, что я хорошо пою, я и подумала: может, кто-нибудь даст мне за это денег.

– Конечно же, любовь моя, ты замечательно поешь, но больше никогда так не делай, договорились?

– Договорились.

Как и обычно, вечером перед сном я читала Адель сказки. Уже дочитывая последнюю страницу, услышала тихое сопение под боком, осторожно закрыла книгу и положила ее на пол, стараясь не шевелиться, иначе вся кровать начнет ходить ходуном и скрипеть. Мы с Адель спали на той самой кровати, которую оставили старые хозяева. Это была узкое односпальное ложе со старой железной сеткой, которая, когда мы ложились, тут же проваливалась посередине почти до самого пола, и мне приходилось всю ночь лежать на боку у самого края и не шевелиться.

В тот вечер я долго не могла уснуть, думая над тем, как устроены взрослые и дети. Мы, взрослые, уверены, что все знаем, все можем, и к детям относимся как к... детям, думая, что их интересуют только игрушки. А, оказывается, дети-то наши все видят, все замечают и понимают.

Мы прожили в Астане уже полтора года, и все это время нам было очень нелегко: экономили на всем. Мне даже пришлось вторую комнату сдать в аренду за 5 тысяч тенге одной из наших сотрудниц, менеджеру хозяйственного отдела, с которой у меня сложились теплые дружеские отношения. Комнатка эта была крохотной, размером где-то 2 на 2 метра, поэтому и квартира считалась полуторкой, а не двухкомнатной. Я знала, что Гаухар снимает комнату у какой-то старушки и у нее постоянные трения с хозяйкой: та все время была недовольна – то квартирантка приходит поздно, то свет не выключила. И когда я предложила ей поселиться у меня, она только обрадовалась. К тому же и плата была символической, хотя для меня это стало серьезной поддержкой моего бюджета. Правда, Гаухар вынуждена была спать на полу, но я купила для нее матрас, а одеяла и подушка у нее нашлись свои.

Но как бы тяжело мне ни приходилось, я никогда и никому не жаловалась, не говорила, что денег не хватает или есть нечего. Поэтому нельзя сказать, что Адель могла случайно услышать мои причитания или сетования, да и еда для ребенка в доме всегда была. В выходные дни я старалась готовить для нее пиццу или картофель фри, или бургер – то, что так любят все дети. Тем не менее оказалось, что мой четырехлетний ребенок все понимал. И этот ее поступок (а для четырехлетнего ребенка это поступок – стоять с протянутой рукой в надежде, что кто-

то даст денег, чтобы помочь маме, потому что маме тяжело) впервые заставил меня взглянуть на ситуацию со стороны и вызвал приступ острой жалости – к себе, к Адели и ко всей нашей жизни вообще.

До сих пор у меня наворачиваются слезы на глазах, когда я вспоминаю этот случай.

Глава 10

– Девочка, время рождения – 16:00, – акушерка передала маленький красный комочек врачу-педиатру.

Та оберла девочку белой пеленкой и положила на весы. Взвесив, измерив рост и осмотрев ребенка со всех сторон, врач удовлетворенно сказала:

– Ну что ж, мамочка, спасибо вам за такого здорового ребенка. Рост 50 сантиметров, вес ровно 3 килограмма.

Затем, ловко подхватив малышку, она плюхнула ее мне на живот. Та тут же начала издавать какие-то звуки и всем своим существом потянулась к моей груди, настойчиво перебирая ручонками. Она зажмурилась и тут же широко распахнула глаза – они оказались ярко-синего цвета, и сердце мое наполнилось такой щемящей нежностью, какой я никогда не испытывала до этого. Я осторожно обняла ее и придвинула ближе к груди, и она тут же нетерпеливо прильнула к ней. Медсестра накрыла нас простыней, и мы так и лежали с ней на акушерском кресле какое-то время.

Я с улыбкой думала: «Родилась ровно в 16:00, рост ровно 50 сантиметров, вес ровно 3 килограмма – моя дочь вырастет цельной натурой и ни за что не станет размениваться по мелочам».

С самого рождения Адель была спокойным и разумным ребенком, я не помню бессонных ночей или какой-то суеты вокруг нее. Она как-то очень гармонично вписалась в мой ритм жизни и не доставляла особых хлопот. В возрасте 2—3 лет я разговаривала с ней как с взрослым человеком, и она вела себя соответственно. Порой мне даже казалось, что она чувствует себя такой же взрослой, как и я, только маленького роста. С трехлетнего возраста мне было категорически запрещено купать ее в ванне: она мылась сама. И даже находиться в ванной мне не разрешалось. Адель звала меня уже в самом конце, когда нужно было мыть голову и ополаскивать ее, а все остальное время я терпеливо стояла за дверью и украдкой наблюдала за ней в щелочку.

Однажды, вернувшись из детского сада, моя дочь заявила:

– Мама, я хочу, чтобы у меня был папа, для этого ты должна выйти замуж.

– Это не так просто, как кажется, моя дорогая, да и за кого я выйду замуж? Я же никого не знаю, ни с кем не общаюсь.

– А где можно познакомиться с мужчинами? – серьезно допытывалась она.

– Ну, нужно общаться с друзьями, ходить в гости, в ресторан, а мне некогда, я на работе, потом забираю тебя из детского сада – и все, мы сидим дома.

– Понятно, – с грустью сказала Адель.

Так прошла неделя. В пятницу вечером я забрала ее из садика, мы пришли домой и сели ужинать за нашим столом – гладильной доской. И тут Адель с загадочным видом говорит:

– Мама, завтра же суббота – ты отдыхаешь, я тоже отдыхаю. Давай завтра вечером пойдем в ресторан?

– Что там делать, в этом ресторане?

– Ты будешь знакомиться с мужчинами, – деловито заявила Адель.

– Да какой мужчина захочет знакомиться с женщиной с ребенком?

– А я сяду за отдельный столик, как будто я сама пришла в ресторан. Ты будешь сидеть одна, и мужчины будут знакомиться с тобой.

Я засмеялась, представив себе эту картину: четырехлетний ребенок сидит вечером в ресторане один, подзывает официанта, делает заказ: «Мне, пожалуйста, пиццу и кока-колу», – и ведет себя как взрослый человек.

Я обняла свою дочурку, поцеловала ее и сказала:

– У нас с тобой все будет хорошо.

Первое время я надеялась, что Михаил захочет хотя бы общаться с дочерью и впоследствии сможет стать ей хорошим отцом. «Нужно только помочь ему понять это», – наивно думала я. Я позвонила ему и сказала, что беременна от него, на что он холодным тоном задал мне вопрос:

– А ты уверена, что беременна от меня?

Меня это сильно оскорбило, но я понимала его чувства. Улетев тогда из Москвы, решила, что больше никогда не буду общаться с Михаилом, и прекратила с ним все контакты. Я позвонила ему, только когда родилась Адель. Он, конечно же, сделал вид, что обрадовался за меня, но вел себя так, как если бы не имел к этому никакого отношения. В следующий раз, когда я вновь позвонила ему, трубку взяла какая-то женщина и коротко ответила, что Михаил здесь больше не живет. Так я потеряла с ним связь.

Прошло четыре года, и как-то раз раздался телефонный звонок. Это была Ира Лисина, наша общая знакомая, которая когда-то познакомила меня с ним. После общих ничего не значащих фраз сообщила, что Михаил очень хотел бы общаться, если я не против, но потерял мой номер телефона и все эти годы искал нас по всем справочным службам. Я ответила, что не против.

На следующий день позвонил Михаил:

– Давай общаться, я хочу увидеть свою дочь. Приезжайте как-нибудь ко мне, – предложил он.

Так в течение нескольких лет мы раз в год ездили к нему в Москву. Однажды он приезжал к нам в Алматы, но отношения между отцом и дочерью так и не сложились. Михаил был слишком эгоистичен, чтобы наладить контакт с малышкой, он хотел, чтобы все и вся крутилось вокруг него, не прикладывая к этому никаких усилий.

Как я уже сказала, с Михаилом меня познакомила Ира Лисина, помощник главы представительства японской компании в Москве. Я работала в филиале этой компании в Алматы и несколько раз в год приезжала в Москву с отчетами. В один из моих приездов Ирина сказала:

– Давай я познакомлю тебя с одним хорошим парнем, он из очень благополучной семьи, только почему-то ему не везет с девушками. Все время попадаются одни стервы. Ты не такая, ты хорошая, думаю, у вас может что-то получиться. А там, глядишь, замуж выйдешь, в Москву переедешь.

– Ну давай, познакомь, – не придавая этому особого значения, согласилась я.

Вечером, после работы, мы с Ириной приехали к Михаилу домой: он жил в однокомнатной квартире, перепланированной в квартиру-студию, с очень современным и изысканным ремонтом. К нашему приходу был накрыт стол с различными закусками, фруктами и сладостями. Ирина, познакомив нас, заявила, что ей срочно нужно куда-то ехать, и спешно удалась, оставив меня наедине с Михаилом. Он был очень галантен, весь вечер ухаживал за мной, играл на гитаре, пел песни и окончательно расположил меня к себе. Мы выпили все вино, которое было, и решили сходить в ночной киоск, чтобы купить еще. Стояла зима, на улице шел снег и было тепло, мы долго гуляли, затем начали бросаться снежками и так, наконец, добрались до киоска. Но когда вернулись домой, вино нам было уже не нужно.

Так начались мои отношения с Михаилом: он в Москве, я в Алматы. Прошло больше года. Однажды накануне 8 марта он позвонил и попросил:

– Приезжай, проведем праздник вместе. К тому же нам надо решить, что делать дальше.

– Я еще не получила зарплату, поэтому денег на билет нет, – с замиранием сердца ответила я.

– Ничего страшного, главное, ты доберись до Москвы. Ну, займи у кого-нибудь, а я тебе отдам, когда приедешь.

– Хорошо, я приеду.

Я приехала в Москву. Мы провели вместе три дня, и все эти дни он всячески избегал разговоров о нас и наших отношениях, хотя сам же хотел поговорить о том, как быть дальше.

«Неужели струсил?» – вертелось у меня в голове все это время.

День моего отъезда наступил неотвратимо, как отчаяние.

– Миша, помнишь, ты говорил, что компенсируешь мне расходы на билет? Я же заняла деньги у подруги – надо отдать по приезде, – осмелилась сказать я уже в аэропорту.

– Извини, Татьяна, но у меня все деньги в валюте, а сейчас очень невыгодный курс для обмена. Ты уж сама как-нибудь реши этот вопрос.

От неожиданности и обиды я потеряла дар речи. Всю дорогу не могла прийти в себя, а возвратившись домой, приняла решение, что не буду больше с ним встречаться. Я понимала, что он оказался ненадежным человеком – так подставить меня. Нет, дело не в деньгах, просто на него нельзя положиться, не то что доверить такому человеку свою жизнь. И встречаться с ним мне тоже больше не хотелось, и так потратила слишком много времени.

Глава 11

Прошло еще одно лето, за ним осень, и наступила календарная зима, хотя настоящая зима, с морозами и метелями, давно уже бушевала на улицах маленького городка.

Это было самое суматошное время для гостиницы: хозяйственный отдел проводил инвентаризацию всех новогодних игрушек, гирлянд, согласовывал с руководством, где именно и как будут украшаться холлы, рестораны и вся гостиница в целом. Отдел закупок занимался поиском недостающих украшений и главной елки; в отделе продаж и маркетинга заказывали пригласительные билеты, рекламные брошюры с информацией о проведении банкетов на католическое Рождество и Новый год; шеф-повар придумывал какие-то особенные праздничные блюда. Вся гостиница буквально гудела как улей, все были заняты подготовкой к праздничным дням. Однако стоило выйти в гостевые зоны, как на вас обрушивалось царившее там умиротворение: тихая приятная музыка сопровождала каждый аутлет, гости чинно восседали на диванах и креслах, ведя неспешные беседы, а официанты обслуживали их вежливо и ненавязчиво.

В прачечной работы тоже было невпроворот: подготавливали банкетные скатерти, чехлы на стулья, салфетки, бесконечно все считали и пересчитывали. Уединившись в своем кабинете, я размышляла над тем, как мне быть дальше – куда двигаться, к чему стремиться и чего добиваться, не могла же я всю жизнь довольствоваться работой менеджера прачечной, пусть даже и в пятизвездочном отеле.

Я понимала, что если действительно хочу вырваться из подвального этажа гостиницы, прежде всего должна закончить свое обучение по программе МБА: это была двухлетняя программа магистратуры, и я уже проучилась первый год, оставался еще один, последний, чтобы получить диплом. Правила университета таковы, что с момента поступления и до окончания должно пройти не более 5 лет, только тогда можно было рассчитывать на получение диплома об окончании магистратуры. Это был казахско-американский университет, образованный фондом Сороса, один из двух лучших образовательных центров в нашей стране, и находился он в Алматы. По моим подсчетам, следующий учебный год был последним, пятым годом, который давал мне шанс получить диплом.

Значит, я должна вернуться в Алматы, но для этого нужно найти там работу. Теперь я знала, что мне делать дальше

Мы провели все праздничные банкеты, и вот наступил новый год. Январь – самый спокойный месяц в году для бизнеса, заполняемость гостиницы минимальная. В это время здесь царят тишина и покой. Воспользовавшись этим, я рассылала свое резюме в различные агентства по найму, а также созванивалась с некоторыми подругами в Алматы на случай, если они узнают о каких-либо вакансиях. Одной из таких подруг была Айгуль, мы с ней вместе работали в представительстве японской компании, которую впоследствии выкупила другая, более крупная японская корпорация, и наш офис закрыли. Это было моим последним местом работы, перед тем как я уехала в Астану. Айгуль сейчас работала тоже в японской компании, но, к моему счастью, подумывала уходить в более престижную, опять же японскую фирму. Она, видимо, очень прониклась культурой этой страны и предпочитала только японские компании, да и японцы, которые открывали свои представительства в Алматы, хорошо ее знали и принимали за свою.

Через пару недель после моего разговора с Айгуль она мне перезвонила.

– Слушай, Татьяна, я все-таки приняла приглашение от другой компании и предлагаю тебе свое место. Только нам нужно договориться, как скоро ты сможешь приступить к работе, – торопливо сказала она.

– По контракту, я должна предупредить своего работодателя за три месяца, – ответила я с ликованием в душе.

– Хорошо. Тогда отправь мне свое резюме и считай, что ты уже принята.

Глава 12

Как же здорово было вернуться в свой родной город! Здесь бушевала весна, конец апреля, город буквально утопал в цветах и зелени в сравнении с Астаной, где деревьев практически не было: вдоль улиц тянулись ровные ряды тоненьких саженцев, заботливо привязанных веревками на четырех растяжках, чтобы ветер не сломал и не унес их.

Выйдя из зала железнодорожной станции, мы сели в такси и поехали к моей сестре. По пути Адель, озираясь по сторонам, с удивлением спросила:

– Мама, мы что, в лес приехали?

– Нет, рыбка моя, мы приехали в наш родной город.

Иллюзию леса, правда, несколько портило то, что, несмотря на огромное количество зелени, воздух был жутко загазованным. Дело в том, что город, тесно окруженный горами, плохо проветривался, у меня даже начало немного першить в горле с непривычки. Прожив здесь всю свою жизнь, я никогда раньше этого не замечала. Видимо, эту разницу можно почувствовать только после астанинского морозного воздуха, когда ты буквально ощущаешь, как он наполняет твои легкие своей чистотой и прозрачностью.

Оставив вещи в квартире сестры, мы сразу же уехали к моей давней подруге, с которой дружили и поддерживали отношения со школьных лет: с сестрой у нас были сложные отношения, и остановиться у нее мы не могли. Она люто ненавидела меня, хотя старалась не показывать этого и, как мне казалось, могла причинить вред моей дочери. С мамой я тоже не разговаривала с того момента, как она приезжала ко мне в Астану просить, чтобы я отдала ей свою квартиру в Алматы. Мама считала, что это она купила мне ее в свое время, и теперь, когда, доверившись мошенникам, потеряла и бизнес, и собственное жилье, хотела продать мою квартиру и на вырученные деньги как-то жить дальше. Я тогда, конечно же, была сильно расстроена всей этой ситуацией, но позже поняла, что сделала правильный шаг, передав ей злосчастную квартиру и тем самым освободившись от груза прошлой жизни.

Моя школьная подруга Жанна с мужем занимали небольшую комнату с отдельной кухней в семейном общежитии. Понятное дело, не хоромы, и мне было неловко просить ее разрешить нам пожить у них несколько дней, пока я не найду съемную комнату, но обстоятельства вынуждали:

– Жанна, ты не волнуйся, мы постараемся не доставлять вам много хлопот. Адель с понедельника будет посещать детский сад, я на работе – будем приходить только вечером, чтобы переночевать.

В понедельник с утра я отвезла Адель в детский сад и с тревогой в душе отправилась на новое место работы. Офис представительства японской компании, куда меня приняли, находился в здании Союза писателей. Это было старое здание, выкрашенное в зеленый цвет, с белыми колоннами и высокими тяжелыми дубовыми дверями.

Пройдя по коридору, я остановилась у двери с надписью Nichimen Corporation, решительно постучала и, не дожидаясь ответа, вошла в просторный кабинет, в дальнем конце которого сидел молодой мужчина в очках. Увидев меня, он часто закивал головой и приветливо произнес:

– Доброе утро! Проходите, мы вас ждем.

Ербол, так звали молодого мужчину, был главой представительства. Вся его внешность, манеры и даже легкий японский акцент в речи говорили о том, что он так же, как и Айгуль, долгое время работает с японцами, и сам буквально превратился в типичного представителя Страны восходящего солнца.

Почему-то вспомнилось, как девять лет назад я пришла устраиваться на работу в японскую фирму Tomen Corporation вместе со своей подругой Жанар. Японцы – очень закрытый

народ и принимают новых сотрудников в основном по знакомству: кто-то должен кого-то порекомендовать – иначе устроиться к ним практически невозможно. Жанар была подругой Гульнары, они вместе учились в институте иностранных языков и изучали английский язык. Будучи еще студенткой, на третьем курсе она поехала в Лондон по туристической путевке и была настолько очарована этим городом и возможностями, которые он предоставлял, что специально отстала от группы и не вернулась обратно домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.